

Ева Никольская

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА
ЧУЖАЯ НЕВЕСТА. ТАЙНА ПОДЗЕМЕЛИЙ
НАСЛЕДНИЦА «ЧЕРНОГО ОЗЕРА»
МАГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ. ДОСТАТЬ ВАСИЛИСКА!
СВАДЕБНЫЙ ОТБОР. ЗАМУЖ ЗА ВРАГА
ЗВЕЗДНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ. БАЛ ПОЦЕЛУЕВ
СНЕЖНАЯ ЗОЛУШКА

Диалогия
«Подарок из преисподней»
КРАСАВИЦА И ЕЕ ЧУДОВИЩЕ
МОЙ ОГНЕННЫЙ И СНЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Цикл
«Лорды Триалина»
ЗОЛУШКА ДЛЯ СНЕЖНОГО ЛОРДА
БЕЛОСНЕЖКА ДЛЯ ЕГО СВЕЛОСТИ
ФЕЯ ДЛЯ ЛОРДА ТЬМЫ

В соавторстве с Кристиной Зимней
ДЕВУШКА ДЛЯ ДРАКОНА
ЧЕСТНОЕ ВОЛШЕБНОЕ!
ИЛИ ВЕДЬМА, КОШКА И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ева Никольская

Снежная Золушка

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 486

Рисунок на переплете и иллюстрации
Е. Никольской

Никольская Е. Г.

Н64 Снежная Золушка: Роман / Ил. Е. Никольской. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2967-7

Если твоя мачеха ведьма, стоит быть тише воды и ниже травы. Иначе тебя выбросят, как котенка, в другой мир к лисам-оборотням, где примут сначала за злобную демоницу, а потом — за богиню Снежинку, способную выполнить заветное желание одного чудесного мальчика.

И как мне быть, если лисенок, спасший меня от гибели в зимнем лесу, мечтает о новой маме? Правильно! Надо срочно ее найти, как бы папа-лис ни сопротивлялся. Тем более у меня так вовремя обнаружилась способность к магии любви. Главное в процессе поисков самой не влюбиться в потенциального жениха и его замечательного сынишку.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Никольская Е. Г., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2967-7

Глава 1

ССЫЛКА В ДРУГОЙ МИР

Что делать, если ваша мачеха — ведьма с лицензией на весь ассортимент темного колдовства, начиная от порчи и заканчивая приворотами разной степени тяжести? Правильно! Вести себя тише воды ниже травы, а лучше и вовсе прикинуться безобидной дурочкой, которая ничего не видит, не слышит, не замечает и, главное, никому не мешает. Всего-то и надо продержаться год, пока мне не исполнится двадцать.

После официального совершеннолетия у меня появится реальная возможность вырваться из оккупированного Марго дома и начать новую самостоятельную жизнь. Я даже профессию себе присмотрела. Только никому об этом не сказала, потому что настоящая леди, по мнению отца, должна мечтать выйти замуж и родить детей, а не думать всякие глупости о какой-то там работе. Ха! Сказал бы он такое своей ведьме! Но нет, не скажет, ибо она уникам, ей все можно, а я обычная девушка, обязанная придерживаться правил.

Когда-то в нашем замке царили радость и свет... Каких-то лет пять назад. Тогда была жива мама, и папа любил ее и меня, а не эту заразу, жаждущую править миром. За неимением власти над оным новоявленная леди Дорин оттачивала свои управленческие навыки на нашем графстве и моем отце. Что, к сожалению, у нее отлично получалось. Всего за пару месяцев после свадьбы наш дом превратился в мрачную обитель зла, причем злом тут была именно она, моя горячо НЕлюбимая мачеха!

Поначалу я пыталась ей пакостить, но проиграла в неравном бою с профессиональной столичной пакостницей. Потом надеялась как-нибудь повлиять на папу, но он души не чаял в своей ангелочке (угу, с рожками!), а все мои доводы списывал на детские капризы и дочернюю ревность. Положа руку на сердце стоило признать: отца Марго любила. Только мне от этого было не легче!

И зачем он привел ее в дом? У нас и так были непростые отношения, а теперь совсем беда. А все потому, что в нашу размеренную жизнь ворвалась амбициозная чародейка, расчетливая и предприимчивая к тому же. Она, точно черная кошка, пробежала между нами, увеличив пропасть непонимания, зародившуюся после смерти мамы.

Хотя польза от появления ведьмы, бесспорно, была. Графство, коим никто толком не занимался после похорон графини, потому что папа пребывал в глубоком трауре, а я была еще маленькая, благодаря ее стараниям преобразилось. Захудалые деревеньки и города, расположенные на наших землях, ожили, получив необходимые финансовые вливания и идеи для развития. Мачеха обладала чутьем опытного дельца, которое помогало ей находить выгоду во всем: в отце с его завидным титулом, в людях, живущих на нашей территории... и во мне. Вернее, в моем будущем, которое внезапно окрасилось в ее любимые черные тона.

Едва мне исполнилось девятнадцать, как новая леди Дорин решила пристроить меня в добрые (а еще в знатные, богатые и, что скверно, в старческие) руки, чтобы увеличить собственное благосостояние и максимально приблизиться к королевскому двору, — женишок, изволивший посвататься ко мне, был родным дядей нашего монарха. Естественно, Марго сочла герцога идеальной партией для притихшей в последнее время падчерицы!

Вот кто она после этого? Одно слово — ВЕДЬМА!

И как-то резко расхотелось мне быть тише воды ниже травы, так что, едва узнав новость, я закатила грандиозный скандал с битьем посуды и крушением мебели... по боль-

шей части той, которую притащила в дом мачеха. Разумеется, ей это не понравилось. А папа (предатель!) принял сторону молодой жены. Результатом стало темное колдовство, которым не раз пугала меня Марго, хотя и не осуществляла угрозу в полной мере. И вот день настал... Чтоб ей пусто было!

За непослушание и уничтожение чужой собственности (еще за оскорбления, недостойные леди, и отказ от брака, о котором, по убеждению Марго и моего отца, мечтает любая девушка) меня отправили в изгнание. Не пинком под зад за ворота, что еще можно было бы пережить, а мощным заклинанием в иномирный портал, открытый черной ведьмой. Как она заявила нам с папой — исключительно в воспитательных целях.

Чтоб ей икалось все то время, пока я буду тут перевоспитываться! Впрочем, недолго нам обоим маяться, ибо в таком холоде я и суток не протяну. Из теплой цветущей весны меня выкинуло в морозную зиму. Заснеженный лес встретил сугробами, в которых тонули ноги, и я чуть не потеряла туфельки. Чулки насквозь промокли, как и подол домашнего платья. Меня трясло, зубы отбивали чечетку, лицо и уши горели. Я пыталась звать на помощь — тщетно. Только голос осип и в горле будто ледяные иголки выросли. Двигалась активней, чтобы хоть как-то согреться, растирала ладонями плечи и шла, шла, шла... сама не знаю куда.

Чужой лес, чужой мир, чужая здесь я!

Ау, Марго? Может, хватит уже меня воспитывать? Урок я усвоила, и твои драгоценные пуфики из черного дерева, как и шкатулки, и зеркальца с ажурными рамами в стены больше швырять не буду. Честно-честно!

Мысленным просьбам моим ведьма не вняла, и пришлось мне горемычной дальше плестись по лесу, периодически вопрошая у безмолвных деревьев: «За что?» Вопрос «куда?» я им тоже задавала. Шепотом, ибо горло саднило, но ни ответа, ни знака какого-нибудь свыше так и не последовало. Постепенно ноги-руки ломить перестало, движения

стали медленными, мысли заторможенными... Я устала, меня начало клонить в сон, и ближайшее дерево с большим удобным стволом и тяжелыми, нагруженными снегом ветвями показалось идеальным местом для привала.

«Посижу чуть-чуть, переведу дух и дальше пойду», — убеждала я себя, падая на покрытые белой «шубой» корни. Большие, извилистые... в них так легко задремать, чего делать никак нельзя.

Почему я не родилась волшебницей? Или хотя бы охотницей в семействе егеря. Да пусть даже крестьянкой! Всяко лучше, чем леди, которая не знает, как разжечь костер без спичек. Чем мне сейчас помогут высокородное происхождение и холеные ручки? Да и от блестящего, по мнению отца, образования, в списке дисциплин которого не было выживания в лесу, тоже толку мало! Или все же есть? Я ведь умею танцевать! Надо срочно воскресить в памяти заученные назубок па, чтобы хоть как-то согреться. Вот немножечко отдохну и спляшу на радость лесной живности. Посижу тут, повспоминаю уроки и...

Зевнув, я прикрыла глаза.

Некоторое время спустя...

Очнулась я оттого, что по мне кто-то прыгал. Кто-то большой и болтливый, с длинными лапами, которые наверняка оставят синяки на моей нежной коже.

Нежной, угу. Я у беса на рогах: в другом мире и в зимнем лесу... подумаешь, синяки?! Радоваться надо, что меня наконец нашли!

— Папа, папа, это ярила? — вопило существо, вырвавшее меня из объятий смертельного сна. — Настоящая! Она дышит! И не кусается! — В голосе бесцеремонного создания послышался неподдельный восторг. — Можно я оставлю ее себе?! — выдало юное дарование с уже проклянувшимися собственническими замашками.

Я даже глаза открыла, впечатленная перспективой.

«Писец», — беззвучно прошептала обветренными губами, имея в виду не только белого лиса, радостно скакавшего на моих коленях, но и ситуацию в целом.

Оно и понятно: раз животные говорящие мерещатся, значит, с головкой у меня совсем плохо — а это один из признаков скорой и неминуемой кончины от переохлаждения. Разве нет?

— Папа, она моргает! — продолжил отчет мой воображаемый друг, счастливо скалясь при этом.

Ресницы успели покрыться инеем и потому казались ужасно тяжелыми. А может, и ледяной корочкой обросли, как знать. Вдруг я во сне оплакивала свою загубленную стараниями мачехи судьбу? Голова была ватной, будто меня дурман-травой опоили. Тело двигалось, но вяло. Я с трудом подняла руку, пытаюсь поймать призрака. Призрак, как ни странно, поймался. За хвост! Большой, пушистый и длинный. Длиннее, чем у обычных лисов.

— Ой! — испуганно пискнуло не такое уж и воображаемое существо. — Па... папа! Ярнула меня сейчас сожрет!

От излишне высокой ноты, прорезавшейся в голосе лисенка, размерами походившего на ребенка лет шести-семи, я поморщилась. Мышцы лица онемели, я их почти не чувствовала, но уши, видать, не до конца отморозились, потому что отреагировали на сей вопль болезненным звоном.

— Ты кто, дет... кхе... — спросила хрипло и закашлялась, с тоской понимая, что проклятые иголки обосновались и в грудной клетке тоже.

— Папа! — в панике взвизгнул лисенок.

— А ну, отпусти ребенка! — раздался грозный рык, от которого я вздрогнула, а говорящий «шерстяной клубок» отскочил, плюхнувшись в ближайший сугроб. За хвост я его не удержала — сил не хватило и скорости реакции. — Яр-р-рнула, значит...

Надо мной склонился человек. Ладно, почти человек. Большой беловолосый мужчина без шапки, но в теплой зимней куртке с капюшоном. И все бы ничего, только уши у

него были не то лисьи, не то эльфийские: большие, оттопыренные, заостренные... еще и белой шерстью с обратной стороны покрытые. Либо я окончательно спятила, либо... в этом мире живут оборотни. И, что примечательно, мы говорим с ними на одном языке! Видимо, это прощальный подарок от мачехи... вместо походного узелка и шубки.

— Рот открой! — потребовал незнакомец, взвешивая в руке топор.

Добротный такой, острый... с удобной деревянной рукоятью, на которой были вырезаны какие-то символы. Этот, без сомнения, примечательный инструмент впечатлил меня даже больше его ушей.

— Р-рот? — переспросила заикаясь. Он что у меня, как у лошади на рынке, зубы смотреть собрался? Сон как рукой сняло, и я всерьез задумалась о беге с препятствиями, а не о танцах, которыми планировала согреться. Еще бы второе дыхание открылось, а то без него не встать. — З-зачем?

— За редькой! — съязвил блондин, хватая свободной рукой меня за подбородок так, что губы сами приоткрылись. — Язык высунь.

— Может, еще и полаять? — огрызнулась я, невольно радуясь тому, что голос вернулся.

— Можешь и полаять... и даже хвостиком повилять, — рассматривая мой язык, сказал местный хам. Я уже хотела сообщить ему, что таких частей тела мне матушка-природа не дала, как вдруг увидела ЕГО... огромный белоснежный хвост. Не мой, а этого дровосека неотесанного! И дар речи снова пропал. Вот досада!

— Яррила? — с опаской спросил лисенок, отфыркиваясь и выползая из сугроба.

— Человек, — вынес вердикт его (или все-таки ее?) папа, напоследок мазнув по моей нижней губе большим пальцем. Легонько совсем, но я почему-то вздрогнула. — Ты ведь человек? — уточнил он, убирая руку. И я задумалась: признать очевидное или сослаться на временную потерю памя-

ти? Вдруг честность мне боком выйдет, я ведь ничего не знаю о здешних порядках. — Так человек или кто?

— Зависит от того, что вы обычно делаете с людьми, — проговорила осторожно. Что примечательно, почти без запинки.

Встреча с аборигенами взбудрила, прогнав заторможенность и вернув озноб. Меня снова начало потряхивать, несмотря частичное онемение некоторых частей тела. Сказывалось долгое пребывание на морозе. Не таком уж и кусучем, но... я ведь в туфельках и платье! А этот истукан с топором даже курточку леди не предложил! Что за варварский мир? Куда я попала?

— С людьми-то? Едим на ужин! — сообщил хвостатый дровосек, и я, нервно сглотнув, попыталась отползти от него подальше, но дерево помешало.

А белобрысый каннибал еще и рассмеялся, демонстрируя наличие звериных клыков среди вполне человеческих зубов. Хотя, может, и не каннибал он вовсе... вдруг люди для оборотней дичь? Может, он с топором на охоту вышел, а тут я... под кустом. Сейчас по темечку тукнет и в нору... готовить из свежемороженой меня аппетитное жаркое.

— Успокойся, я пошутил, — прервал поток моих панических мыслей блондин.

— Папа не ест людей! — сообщило его мохнатое чадо, снова подкрадываясь ко мне. Еще и носом заводило, обнюхивая. — Папа хороший, — добавил лисенок.

Угу, хороший... когда спит зубами к стенке и без топора под подушкой.

Мальш казался слишком большим для животного, хотя внешне почти полностью соответствовал северному лису, картинки которого я видела в книгах по зоологии. Значит, все-таки ребенок-оборотень в звериной ипостаси.

Интерес-с-сно девки пляшут.

— Хороший папа не бросит леди в беде? — спросила, чувствуя, что околеваю. И если продолжу сидеть тут, то скоро превращусь в сугроб.

Умолять не хотелось — гордость не позволяла, но помирять в девятнадцать лет не хотелось еще больше. Они ведь какая-никакая, а семья... разумная, говорящая... с чувством юмора опять же, пусть и с черным. Почему не напроситься на постой? Вдруг сжалятся и отогреют? Или даже накормят чем-нибудь.

— Хороший папа думает, — сказал дровосек, поглаживая свой небритый подбородок. Вот ведь... деревенщина! Был бы высокородным, за внешностью бы следил. Хотя если вспомнить моего отца после смерти мамы... хм.

— Папа, давай оставим ее себе, — заныл мелкий, лизнув меня в щеку и ткнувшись носом в плечо. Жест был таким милым и трогательным, что я невольно погладила малыша. Чуть-чуть совсем, ибо сил почти не было, да и пальцы одеревенели. — Ну, па-а-а... Она пахнет весной! А волосы у нее, как солнышко на закате. — Лисенок с надеждой посмотрел на отца. — Можно я оставлю ее себе? Пожа-а-алуйста!

— Да, папа, оставьте меня себе, — поддакнула я, имея в виду, чтобы оставили мелкому, которого безумно хотелось обнять, потому что он был не только хорошеньким, но и теплым, как пушистая грелка. Мысль о том, что где-то в построении предложения закралась ошибка, пришла с опозданием, и я уже хотела исправиться, как блондин спросил:

— Эй, болезная... Если обернусь, на спине удержишься? — Представила себя верхом на огромном белом лисе... засомневалась. — Ясно. — Мужчина все понял без слов — умный дровосек, хоть и хамоватый. — Тогда поступим так.

Он воткнул в дерево топор и наклонился, чтобы легко поднять меня... нет, не на руки, как благородную леди. И даже не ЗА руки! А как котенка, за шкварник. Вернее, за воротничок моего домашнего платья: белый и ажурный. Неудивительно, что кружево осталось в пятерне этого варвара, а я рухнула обратно, ибо ноги не держали.

— Елы-палы! — простонал лисий папа, догадавшись все-таки одолжить мне свою куртку. — Сходили в лес, называется, срубили к празднику деревце... — ворчал он, кутая ме-

ня, как ребенка, в теплую куртку, которая была мне ниже колен. Большая и широкая. Руки запутались в рукавах, да и сама я утонула в чужой кожанке, оттого став еще более неповоротливой. Или именно этого дровосек и добивался? Моего окончательного превращения в безвольный куль.

— Зато Снеженику нашли, добрый знак! — прыгая во круг, радостно вещал лисенок.

Ярнула, Снеженика... дальше кем обзовут? Нет чтобы имя спросить! Да куда там. А самой представляться было страшно. Они-то своих имен не называли. Вдруг в этом мире знание чужого имени дает власть над человеком... или над оборотнем. В сказках такое бывает. Мифы разные, сказания и легенды я изучала с не меньшим интересом, чем книжки по зоологии, географии, психологии и истории нашего королевства. Даже с большим, нежели любовные романы, которые штудировала исключительно в профессиональных целях, ибо планировала после совершеннолетия открыть в столице свое маленькое брачное агентство. Если будет на что, конечно. А если папа заартачится и денег не даст — нанялась бы штатной свахой в какую-нибудь уже существующую контору. Работа прибыльная, непыльная и интересная. Чем не вариант?

— Вот вместо елочки ее и нарядим! — буркнул папа-лис, имея в виду меня.

Сам он остался в одной рубашке с затянутой на груди шнуровкой. Прошлый век какой-то! У нас давно уже в ходу были пуговицы разных мастей, а еще крючочки и даже новомодные молнии, а тут... застежка на веревочках. Вот с-с-спасибо, Маргоша! Ты бы меня еще к пещерному человеку отправила... перевоспитываться! Хотя с устаревшими моделями мужского гардероба я все же погорячилась — куртка-то у блондина застегивалась вполне современно.

Надев мне на голову отороченный мехом капюшон, мужчина снова меня поднял. На этот раз за подмышки. И закинул, как мешок, на плечо. После чего забрал свой топор и, придерживая за ноги (меня, а не топор), потащил...

э-э-э... куда-то. Я не возражала. Всяко лучше, чем в сугробе подыхать. Спросила только жалобно:

— А туфли? — Потому что потеряла в процессе всех этих перемещений обе.

— Бегу! Ловлю! — засуетился лисенок. — Уф! Наф-ф-фол! — сообщил он, коверкая слова... собственно, из-за находки.

У меня же от положения вниз головой эта самая голова окончательно пошла кругом, и я вновь погрузилась в пучину «белого сна», успев осознать напоследок, что мелкий лис все же мальчик, и задуматься о том, кто такие Снеженика с ярнилой и чем так важен язык последней.

В лисьем доме...

Я была красная как рак. И не только из-за воды, в бочке с которой сидела, но и потому что окунул меня туда сам альд, чей мелкий отпрыск бегал вокруг, бесцеремонно заглядывая в бочку и без конца интересуясь, не надо ли попросить огненного элемента сделать водичку погорячее. Элементаля, хм... это местный аналог домового, что ли? Или он так печь, на которой ведра греются, называет?

Погорячее мне точно было не надо. И теплая вода казалась кипятком... с мороза-то! А этот вездесущий «хвостик» все никак не унимался: боялся, видать, что заболēju и не будет тогда у него на празднике собственной Снеженики. Как выяснилось в процессе нашего недолгого, но плодотворного общения, так оборотни называли одну из четырех богинь. Она же была повелительницей зимней стужи и одним из главных действующих лиц предстоящих гуляний.

Снежениками передевались молодые незамужние девушки, которые ходили по округе и зазывали народ участвовать в веселых играх. А тех, что постарше, приглашали ночью гадать. По преданию, к этим ряженым красавицам порой присоединялась и настоящая богиня зимы, чей дар, если таковой кому-то доставался, был поистине волшебным. Так что попала я, можно сказать, с корабля на бал. Из

цветущей весны в канун зимнего солнцестояния, которое белые лисы, именуемые альдами, отмечали, как мы Новый год.

Дом у приютивших меня оборотней действительно оказался деревенский, но при этом очень добротный, двухэтажный, с чердаком, светлый и ухоженный, что удивило, учитывая отсутствие не только слуг, но и просто каких-либо женщин. В голове не укладывалось, как отец с сыном умудряются содержать жилище в таком порядке. Хотя, быть может, они просто перед праздником навели генеральную уборку. Елочку только из лесу не принесли... зато принесли меня.

Участок рядом с домом тоже был немаленький, судя по тому, что я видела из окон гостиной, в которой очнулась, когда папа-лис сгрузил меня на диван и сунул под нос какую-то едкую гадость, запах которой и мертвого мог поднимать. От ближайших соседей дом отделял большой заснеженный сад и низенькая ограда. Так что жили мои лисы не бедно, что сулило мне в новом мире и теплую постель, и вкусную еду... и ванну, да: целебную, с травками!

Часть настоев альд просто выплеснул в воду, а маслянистой жидкостью с сильным мятным ароматом попытался меня растереть. Правда, для этого требовалось снять не только платье, но и сорочку, за которую я готова была биться насмерть даже в сонно-заторможенном состоянии. В результате в бочку меня посадили в честно отвоеванном нижнем белье. И сопроводили это парочкой заковыристых проклятий на тему женской глупости и неуместной стеснительности. Но от идеи с растиранием мой спаситель все равно не отказался.

Ох, ладно! На холоде выжила и от смущения тоже не помру. Подумаешь, посторонний мужчина меня целебным зельем намажет... всего-то и надо представить, что он врачеватель. Прикрыв глаза, попыталась для лучшей ассоциации вспомнить кого-нибудь из лечебницы, куда ездила на осмотр после смерти мамы, но вместо этого перед внутренним

взором всплыла сцена из любовного романа, где герой тоже мыл героиню. Сам. Впрочем, отпрыск его рядом круги не наворачивал и белым хвостиком пол не подметал.

М-да... голову я себе, похоже, все-таки застудила, раз в нее такие глупости лезут. И другие части тела тоже, потому что, как ни просил лисий папа убрать руки, которыми я обнимала себя, пряча грудь, ничего у него не вышло. В конечном итоге оборотень бросил это неблагодарное занятие, обозвал меня просто и скучно: идиоткой. После чего ушел, позволив наконец-то расслабиться. А лисенок, сменив ипостась, наоборот, вернулся, чтобы составить мне компанию, отогревая добрыми словами даже лучше, чем его отец горячей водой и волшебными снадобьями.

Полное имя малыша звучало как Олис, но альд называл его Олли, и я тоже обращалась к нему так. Маленький оборотень был наследником старшей ветви рода Каури (с ударением на «а»), от которого остались только они с папой Арво. Куда делись остальные представители их семейства, мне малыш не сказал, а сама спрашивать у ребенка такие подробности я не рискнула. Вдруг там какая-нибудь трагическая история? Зачем раны беречь.

Я же представилась им как Анабель Дорин, или просто Белла, решив, что мысли о власти имен — полная ерунда, а вот о том, что из графского рода — благоразумно промолчала. Вдруг у моих благодетелей предвзятое отношение к знати? Живут они, конечно, не бедно, но и не по-королевски тоже. Даже служанки нет, наличие которой могло бы решить кучу моих проблем. Арво, хоть Олли и озвучил его имя, я называла исключительно альдом, ибо альдами эти ушасто-хвостатые перевертыши и были. Альд, альда, альдон, альдонья — запомнить нетрудно.

Пока недовольный моей зажатостью папа-лис где-то гулял, я грелась в теплой ванне, болтая с его куда более дружелюбным сыном. Мальчонке, как выяснилось, было семь. Умненький и хорошенький... источник бесценной информации! А еще искренний такой и забавный, что рука посто-

янно тянулась взлохматить его пушистые волосы, почесать за лисьим ушком или легонько дернуть за непоседливый хвостик. А так как пальцы мои были мокрые, парнишка вздрагивал, забавно морщил нос и по-лисьи фыркал, когда на него попадала вода. Ну и рассказывал, да... много всего интересного.

Ярнилы, по заверениям Олли, были демонами из огненного мира, обладавшими человеческой внешностью и змеиным языком (понятно теперь, зачем альд так пристально изучал содержимое моего рта). Они могли ужалить, могли даже сожрать противника, но, если кто-то их побеждал или западал им в душу, ярнилы, по слухам, могли выполнить его самое сокровенное желание. По этой причине Олли и воодушевился, обнаружив в лесу меня. Впрочем, идея сделать из найденной под деревом тети Снеженику обрадовала ребенка ничуть не меньше.

— Мы тебя нарядим, причешем, — радостно вещал мой юный друг, не замечая, как расширяются от удивления мои глаза. — Украшения бабушкины наденем! — Вот только чужой ювелирки мне для полного счастья и не хватало. Потеряю — век не рассчитаюсь. — И пойдешь ты с нами на площадь! — На этой фразе я нервно икнула. Одно дело дома хороводы поводить и покричать: «Елочка, гори!», другое — в чужом мире, в чужом городе чужих нелюдей развлекать. Нет уж! Несогласная я. — И в конкурсах мы в этом году участвуем, — мечтательно улыбнулся Олли, прикрыв хитрые голубые глазки. — На самые интересные чтоб попасть, нужна Снеженика в команде, — доверительно сообщил он. — Теперь ты у нас есть.

— Олли, солнышко, — начала я осторожно.

Мальчик смешливо фыркнул, тряхнув ушастой головой.

— Это ты солнышко, Белла. Закатное! — Он дернул меня за темно-рыжую прядь, конец которой был мокрым, потому что часть волос, как и я, находилась в воде. — Таких Снеженик в Альдъере точно нет! Уверен, что именно тебя выберет

богиня и одарит возможностью сделать кому-нибудь особенный подарок.

Я задумалась, дополняя уже полученную информацию новыми данными. Значит, повелительница зимней стужи одаривает приглянувшегося альда не лично, а через посредника, ряженного ею. Гм... как же все сложно-то! Впрочем, с богами всегда непросто, будь они наши людские или лисьи. Мы немного помолчали с Олисом, размышляя каждый о своем, а потом малыш внезапно спросил:

— Ты ведь подаришь мне маму, правда?

— Не подарит! Она не волшебница, — разбил надежды сына Арво, возвращаясь в связанное с домом помещение, которое, подозреваю, было баней. Больно уж интерьер подходящий. И тепло тут, и березовыми вениками пахнет. Да и плескать воду на пол не возбраняется. В руках папа-лис держал большое полотенце, похожее на простыню. — Отогрелась, Белочка? — Такой вариации моего имени я еще не слышала. — Пора вылезать, — сказал он мне и приглашающее развернул полотенце.

— Спасибо, я сама, — пискнула, опускаясь в воду до самого подбородка. — Положите, пожалуйста, все на скамью, я чуть позже вытрусь и оденусь.

Альд закатил глаза, но спорить не стал. Сделал, как я попросила, и снова удалился. А я посмотрела на загрустившего Олли, и так мне обидно за мальчика стало. О маме мечтает. О родной или о новой? Не важно! Я ведь планировала свахой стать, вот и попробую себя в серьезном (а главное, в благом) деле проявить. Не зря же именно в этот мир и в этот дом меня судьба забросила. Ладно, не судьба, а злобная ведьма с деспотичными замашками, но разве это что-то меняет? Ничто не происходит просто так. Хочет малыш маму? Найдем!

Правда, для этого все-таки придется нарядиться Снежинкой и согласиться на авантюру, предложенную лисенком. Долг платежом красен! Они с отцом меня нашли, отогрели, искупали даже... а я, в свою очередь, оденусь в бело-голубой

костюм (который еще, кстати, надо где-то раздобыть) и пойду с местными девушками на празднике знакомиться, чтобы не только Олиса развлекать, но и самую подходящую альду на роль мамы для этого чудесного мальчика присмотреть. Плевать, что на сей счет думает его папа. Хочет не хочет, а жениться придется! Хотя... сначала все же надо выяснить, куда делась настоящая мать Олиса, а то вдруг Арво Каури — «синяя борода» Альдъера, а я ему от чистого сердца новую жертву подгоню.

Информация — наше все! С нее и начнем.

Тем же днем...

Сначала платье мое лишилось воротничка, затем я лишилась платья — итог закономерен, учитывая его состояние после моего пребывания в лесу. А другую одежду мне заботливые хозяева так и не предложили. Вернее, еще не предложили, потому что именно за ней они вроде как и ушли.

Стоя перед зеркалом в простыне, затянутой под мышками, я думала о важном. Прежде чем выяснять, кто такой Арво Каури и что случилось с его супругой, надо было разобраться в себе. Вернее, в той роли, которую намерена здесь сыграть. Так уж вышло, что за мою недолгую (да и не очень насыщенную) жизнь я была как прилежной леди, часами ходившей с книгами на голове, дабы добиться идеальной осанки, так и девчонкой-сорванцом, которая лазила за яблоками на деревья, рискуя порвать пышные юбки.

Где-то лет до тринадцати моим воспитанием занималась исключительно мама. Натура она была любознательная и всесторонне образованная, поэтому кроме вышивания крестиком и уроков танцев, на которых настаивал папа, я изучала и географию, и зоологию, и историю, и математику, и еще много всякого нужного и интересного. Не потому, что предметы очень уж захватывающие, — просто мама умела так подать материал, что оторваться было невозможно.

Когда она заболела, нам всем стало не до моих уроков. А после ее смерти отец и вовсе от меня отдалился, будто чувствовал себя виноватым, что не уберег жену. Поэтому воспитывали меня все кому не лень, начиная от нашего чопорного дворецкого и заканчивая смешливой кухаркой. К слугам я с детства относилась хорошо — этому учила мама, уверенная, что каждый труд заслуживает уважения. Так что и уроки, даваемые ими, впитывала как губка, считая, что в жизни может пригодиться все.

Научиться вкусно готовить? Почему нет! Путь к сердцу многих лежит через желудок! Убраться в комнате, рискуя обломать ногти и поранить ручки? И это дело нужное, особенно если планируешь в будущем сбежать из дома и работать в столице. Единственным недостатком (хотя, может, и достоинством) такого коллективного обучения стал мой заметно обогатившийся словарный запас, который никак не подходил благородной леди. Порой с языка срывалось такое, что даже горничные краснели и нервно хихикали.

Папу это удручало, а Марго, переехавшую к нам чуть больше года назад, напротив, веселило. Наверное, не восприми я ее в штыки с первой встречи, мы смогли бы даже подружиться... и тогда я не оказалась бы на чердаке чужого дома, где была обустроена довольно уютная комнатка с кроватью, шкафом, столом, зеркалом и большим окном в форме арки, за которым раскинулся запорошенный снегом сад.

Самое подходящее место для рыжей Белочки, как пошутил Арво.

По имени он меня принципиально не называл. И Белочка в списке придуманных им прозвищ казалась самым безобидным. Еще я была «его личным наказанием», «божественной карой» (что в общем-то почти одно и то же), «подмоченным подарочком» (смысл этого словосочетания я до конца не поняла, так что списала все на испорченное платье), «гусыней неповоротливой» (тут без комментариев) и «изнеженной барышней». Лучше бы просто барышней звал, без ироничных эпитетов, а еще лучше просто леди.

Особенно обидно звучало «гусыня», хотя с поворотливостью на тот момент у меня действительно было не все гладко. Зато после горячей ванны с целебными травками, которые, по словам альда, готовила местная ведунья, я снова почувствовала себя полной сил. Шило в мягком месте требовало подвигов. Спать больше не тянуло — мне до дрожи в пальцах хотелось действовать!

О чем я там рассуждала? Какое ампула выбрать? Побуду для разнообразия собой! К бесам попытки подстроиться под кого-то, притворяясь послушной серой мышкой или благочестивой леди. И стремление шокировать, действуя наперекор, тоже к бесам! Это ведь мой шанс не только проявить себя, сделав доброе дело, но и разобраться в себе, понять, кто я есть на самом деле и чего хочу добиться в жизни. Испытание, которое надо достойно пройти. Урок, полученный от ведьмы, с ней я, кстати, непременно поквитаюсь, как только найду способ вернуться домой. Но сначала надо решить судьбу Олли, его папы и... мамы!

Да, надо... знать бы еще, куда эти лисы запропалились.

Я всерьез задумалась над тем, чтобы, забыв о приличиях, спуститься вниз и поискать лисенка с Арво, которые, судя по всему, заблудились в шкафу, пытаясь найти там сменную одежду для меня. К счастью, разгуливать в простыне по чужому дому не пришлось, потому что в комнату без стука влетел запыхавшийся Олли с целой охапкой каких-то женских вещей.

Женских, так-так... Вот и повод появился выведать что-нибудь интересненькое про его матушку.

— Скажи, а чьи это наряды? — спросила осторожно, присаживаясь на кровать рядом с маленьким альдоном, который забрался туда с ногами, сбив покрывало. Хорошо хоть тапки скинул, чудушко белобрысое!

— Мамкины, — без особого трагизма сообщил он.

— Мамкины? — пробормотала я, рассматривая вещи. Два платья простого покроя, одна белая рубашка из ситца, две пары вязаных носков и штаны, в которых я однозначно

утону, если надену. Они точно его матери? Может, все-таки папа свои одолжил?

— Но ты не думай, Белла. Мама не против! — спохватился он. — Хвостом клянусь! — добавил серьезно. Его пушистая часть тела в панике заметалась, реагируя на это заявление, но малыш быстро пресек бунт, поймав хвост за кончик.

— А где она, твоя мама? Если, конечно, не секрет, — продолжила расспросы я, не забывая при этом восхищаться ее нарядами, радуя тем самым ребенка.

Не то чтобы они были прям ах — на самом деле и ткань грубовата, и из украшений лишь чуть-чуть вышивки на лифе и поясе, да и фасон странный: приталенные и чуть расклешенные от бедра. С разрезами по ногам, открывающими... в моем случае почти все, потому что и в платьях я тоже, кажется, утону. Но в простоте крылось удобство, а это очень даже достойно восхищения.

— Мамка умерла, когда я появился на свет, — вздохнул Олли, с грустью глядя на ее одежду. Без слез и без затаенной боли. Наверное, ему было проще, ведь если она погибла при родах, значит, он никогда ее не видел, не успел привязаться и полюбить... как я свою.

— Прости. — Я закусила губу, не зная, что сказать. — Моя мама тоже... умерла, — выдавила, внезапно осознав, что слова даются очень тяжело, будто при саднящем горле, хотя заболеть мне благодаря стараниям альдов не удалось. — Пять лет назад.

— Она была хорошей? — вскинул голову лисенок, впиваясь глазками в мое лицо. — Красивая, наверное... как ты, да?

— Да. — Я улыбнулась, радуясь его живому интересу. — Она была гораздо лучше и краше меня!

Странно, но за все это время, прошедшее после похорон, я так ни с кем толком и не поговорила о самой важной и самой любимой для меня женщине. Папе и без того было плохо, не хотела мучить его воспоминаниями еще больше. Слу-

ги... они славные, правда. Но не настолько близкие, чтобы выворачивать перед ними душу. А больше ведь никого и не было. Ни братьев, ни сестер, ни друзей, которые ближе родни. Одни только знакомые и те, кто работал на нашу семью. Меня бы выслушали многие, даже пожалели, но... понять мог только Олли, который тоже потерял маму и так же, как я, по ней тосковал.

— А как ее звали? — допытывался малыш, забавно шевеля мохнатыми ушками.

— Лилианна... Лили. А твою?

— Кэйса. Она была первой красавицей Альдгера. За ней даже наш градоправитель бегал, но мамочка выбрала папу, потому что папа...

— ...хороший, — закончила я за него, вспомнив нашу встречу в лесу.

— Самый лучший! — заявил мальчонка с гордостью.

— Даже не сомневаюсь, — пробормотала я, присматриваясь к зеленому платью, которое зрительно выглядело чуть поуже синего.

— Скучаешь по маме? — спросил Олли.

— Угу. Особенно ночами, — призналась я. — Даже плачу в подушку, бывает, но тсс, никому не говори. Засмеют. Я же уже взрослая девочка, мне нельзя плакать.

— Можно, если очень хочется, — со знанием дела шепнул он. — Я мужчина, мне тоже нельзя, но иногда... — Лисенок смущенно потупился и тронул меня за руку, чуть погладил плечо. Лапочка моя пушистая, до чего же ты милый! И добрый. Может, стоит Марго спасибо сказать за такое перевоспитание? Хотя нет, если прознает ведьма, что меня тут добрые альды приютили, отправит еще куда-нибудь... например, к ярнилам, которые сожрут незваную гостью и не подавятся. — Я тоже скучаю. Мама мне снится... часто. Прекрасная, как Снеженика. И всегда-всегда улыбается, только почему-то молчит, — поделился со мной Олли. — Но знаешь что...

— Что? — вскинула бровь я, ослабляя запах простыни, которую намеревалась сменить на платье.

— Это нам тут без них плохо, а им там хорошо! — заявил он убежденно.

— На небесах? — уточнила я.

— В царстве снежных духов, — ответил малыш.

Я задумалась, могут ли наши небеса, куда после смерти отправляются чистые души, быть и царством снежных духов тоже. Особых противоречий не нашла и потому кивнула.

— Обед на... — войдя в комнату, как и его сын, без стука, Арво замер на полуслове.

Пару секунд длилась немая сцена, во время которой Олли смотрел на папу, виновато прижав к голове ушки, папа — на меня, а я сидела в простыне и держала в руках чужое платье. Ойкнув, им и прикрылась.

— Олис... — прошипел Арво, переведя взгляд на притихшего отпрыска. — Я же сказал у альды Маритты одежду попросить, а не рыться в мамином сундуке.

Хм, значит, делиться вещами усопшей жены со счастливо спасенной мной папа-лис не собирался. Неловко-то как получилось! Я покосилась на платье. Следовало бы положить его обратно, но... за чем тогда прятаться от серебристо-серых глаз, которые вот-вот прожгут во мне дыру. Вернее, в платье.

— Пап, мама бы поделилась... — начал мямлить Олли, виновато помахивая хвостиком.

— Конечно бы поделилась! Только в платья твоей мамы влезут сразу две худосочные Белочки, о длине лучше промолчу. Не хватало еще, чтобы эта немочь бледная, запутавшись в юбках, споткнулась и расшибла себе нос.

Пропустив мимо ушей заботу о моем носе, я обиженно им шмыгнула, реагируя на «худосочную белочку». То гусыня, то кара небесная... теперь вот и еще одно обзывательство в мою копилку. А я, между прочим, леди! И имя у меня тоже есть... женское!

Велев чаду бежать к соседке с просьбой продать наряд ее старшей дочери, Арво вновь упомянул об обеде, с которого, собственно, и начал. Правда, на сей раз добавил, что все наверняка остынет из-за наших затянувшихся переодеваний, и предложил мне спуститься к столу в чем есть. Судя по ироничным ноткам, в ответе альд не сомневался, и это окончательно разозлило. Положив на кровать платье его супруги, я медленно встала, демонстративно подтянула простыню, привлекая внимание к высокой груди, которую неосознанно выпятила, доказывая и ему, и себе, что вовсе не худосочная. Откинула за спину волосы и с деловым видом поинтересовалась:

— А что на обед? Умираю с голоду! Командуйте, куда идти, альд.

На кухне...

Стол был накрыт прямо на кухне. Ну, как накрыт... хлеб порезан, банка с солеными огурчиками из погреба принесена, пара полотенец на спинки стульев повешена. Солонка и перечница еще на скатерти стояли, похожие на маленьких деревянных котят. Из столовых приборов было три ложки. Тоже деревянные, но не громоздкие, а вполне аккуратные, лишь немногим массивнее привычных мне серебряных.

А какие запахи тут витали... м-м-м! Я аж слюной подавилась, хотя в комнате о голоде говорила из чистого упрямства, чтобы доказать папе-лису, как он не прав. Но стоило унюхать аромат картошки, тушенной с грибами, и в животе призывно заурчало, потому что, учитывая полный переживаний день, с утра у меня во рту не было и маковой росинки.

— Надеюсь, нашей незатейливой кухней леди не побрезгует? — продолжал подначивать Арво, доставая из печи вождеденные горшочки. Пропустив мимо ушей его тон, я сказала:

— Шутите? — И сглотнула, ибо есть хотелось все сильнее.

Какое-то совсем не аристократическое поведение у меня: сижу в простыне, смотрю с обожанием на несчастный горшочек и краснею от ругад, которые нет-нет да и выдает мой пустой желудок. Леди, угу... прав адъд, белочка — она и в другом мире белочка. Рыжий голодный зверек.

— Папа вкусно готовит, только всегда одно и то же, — вздохнул Олли, минут пять назад вернувшийся от соседки с платьем. Поношенным, но вполне приличным. И размер у него был на порядок меньше, чем у одежды альды Кэйсы — значит, не все женщины в Альдъере великанши. Уже хорошо.

За стол мы сели втроем, и перед каждым Арво поставил аппетитно пахнущий горшочек. Видимо, тут он и пропал, пока я перед зеркалом вертелась и о смысле жизни размышляла. А мелкий, вместо того чтобы сразу пойти к соседке, копался в мамином сундуке. Картинка сложилась и перестала меня занимать. Сейчас я могла думать только о еде. Незатейливой, деревенской, но такой желанной, что поглощать ее медленно и красиво не получалось.

— Не спеши, подавишься же, — без раздражения проговорил повар и добавил с тихим смешком: — Белочка.

— Очепкуфно, — ответила я и покраснела окончательно, осознав, как ужасно себя веду. Леди, ха! Один день в изгнании — и уже так одичала. Куда это годится?

Дожевав кусочек, села прямо, промокнула губы кухонным полотенцем и нормальным языком повторила:

— Очень вкусно, альд! Спасибо большое!

— А завтра тоже будет картошка с грибами? — спросил Олли, ковыряясь ложкой в своем горшочке.

— С мясом, — ответил Арво. Ел он спокойно, хотя и с аппетитом. Не чавкал, не набивал едой рот, не свинячил и не торопился, как некоторые. Я тоже не чавкала, ибо воспитание все же сказывалось, но спешила и говорила с набитым ртом, что непростительно.

— А пироги? — Малыш с надеждой посмотрел на отца. — День зимнего солнцестояния ведь...

— Альда Венла в этом году не берет сторонние заказы, а у альды Тиины мать болеет, ей не до выпечки. Зато альда Маритта, думаю, угостит тебя праздничным пирогом, если забежишь ее поздравить и еще раз поблагодаришь за подаренное нам платье.

— А почему вы сами не спечете? — полюбопытствовала я, слушая их разговор.

— Во-первых, некогда — мне еще надо успеть закончить кое-какую работу, а во-вторых...

— Пироги у папы не вку... не очень вкусные, — смягчил свое заявление Олли.

— Зато это блюдо у вас поистине божественное. — Я влюбленным взглядом посмотрела на опустевший горшок. Смела все — и не заметила. Прожорливая белочка!

— Еще хочешь? — улыбнулся хозяин, глядя на меня не с осуждением, как ожидалось, а, наоборот, с одобрением. Кивнула, наступив на горло внутреннему голосу, который вопил, что столько жрать леди противопоказано. — Кушай, кушай, болезная. — Он достал из печи очередную порцию. Надо же, какой предусмотрительный. Или это он для себя заначил, а я нагло увела его добавку? — А то худенькая такая... и подержаться-то не за что.

— Э... — Что-то не поняла я смысл последней фразы Арво. Зачем меня за что-то держать, а главное, кому?

— Я про женихов, — пояснил он, продолжая улыбаться, но теперь не добро, а... как обычно, короче. Похоже, ему доставляло удовольствие надо мной подтрунивать. — Когда-то же они должны у тебя появиться, верно? Женихи. Сколько лет тебе сейчас? Шестнадцать уже есть?

— Девятнадцать! — заявила я гордо.

— Дите совсем, — фыркнул альд.

Я обиженно поджала губы, ибо считала себя очень взрослой, а потом выпалила то, о чем говорить не планировала:

— И жених у меня есть! Богатый.

Еще знатный и старый, о чем знать этому хвостатому не-людю вовсе не обязательно.

— Что ж он тебя не ищет тогда? — прищурился хитрый лис, ненавязчиво выведывая мою историю. — Или это он и поспособствовал твоей отправке в наш лес? Не угодила чем-то избраннику?

— Может, он мне не угодил, и поэтому я от него сбегала?

— Может быть, — покачал головой альд, возвращаясь к еде. — Даже наверняка. Такой неженке и недотроге угодить сложно. Ты ешь-ешь, Белочка... остывает же.

Какое-то время обедали молча, причем я, как и Олли, ковырялась в горшочке, осознав, что мой звериный аппетит уже не такой и звериный, но и отказываться от угощения было поздно. Прежде всего не хотелось обижать повара, хотя он и вредный наглый лис. Да и к еде в этой семье, похоже, относились уважительно. Стол от яств не ломился, все было просто, без излишеств. Так что взять порцию, а потом выбросить, лишь слегка надкусив, мне казалось оскорбительным. Поэтому я сидела и ела... в тишине.

— А вам сколько лет, альд? — спросила, устав от оной. Не из праздного любопытства, а потому что надо было начинать собирать информацию о потенциальном женихе, которому буду в скором времени искать подходящую жену. В первую очередь, конечно, чтобы она Олли в качестве мамы подходила, но и его отцу невеста тоже должна понравиться, иначе что это будет за семья.

— Смотря, с какой целью интересуешься.

— От этого ваш возраст будет меняться? — усмехнулась я.

— От этого станет ясно, надо ли тебе его называть.

— Папе скоро тридцать! Летом, — сдал отца сын, который не оценил наш словесный поединок. Хм, а альд неплохо сохранился. Я думала, ему лет двадцать пять—двадцать шесть. Правда, при таком раскладе сына он должен был зачать в восемнадцать, что маловероятно, но возможно ведь.

Не угадала. Отцом лис стал в двадцать три. — Мы в пещеру духов в этот день пойдем... хочешь с нами?

Я приоткрыла рот, чтобы ответить, но Арво не дал:

— Не хочет! — сказал как отрезал.

Посмотрела на него обиженно: опять за меня решает. А он бросил ложку в свой горшок, отодвинул еду в сторону и, скрестив на груди руки, пояснил:

— До лета еще полгода. За это время твой жених тебя заберет. Даже раньше... гораздо раньше. Люди в Альдъере надолго не задерживаются. Почти все. Если не он, то родня или слуги приедут... да-да, леди, не надо делать такие круглые глаза. Я не идиот и прекрасно вижу, что ты не простолюдинка. Ручки холеные, платье фасона странного, но с воротничком и вышивкой ручной работы, тужельки с серебряными пряжками, манеры... тоже иногда проскальзывают. — Он снова меня поддел: просто так, на ровном месте. Ну что за мужчина?! — Не знаю, кто именно отправил тебя порталом в наш край и за что, но, уверен, это ненадолго.

— А пока это недолго длится, можно я у вас поживу? — попросила, с надеждой глядя на него. Он, конечно, язва и хам, но все равно добрый (не бросил меня в лесу) и заботливый (отогрел, подлечил и даже платье у соседки купил), а еще он вкусно готовит!

— Да, папа, можно? — поддержал меня Олли. — Это же мы ее нашли, значит, она наша. Мы за нее в ответе.

Арво хмурил белые брови, раздумывая.

— Пирогов к празднику напечем, — продолжила убеждать я. — Вку-у-усных.

— Умеешь печь пироги? — удивился он.

— И пироги, и торты, и пироженки. Сладкое у меня лучше всего получается. А вот с рыбными блюдами и с супами полный... ну... проблемы, — подобрала приличное слово я.

— Учту, — кивнул альд. — От рыбы буду держать вас, леди-белоручка, подальше. А то поранишься еще... или нас отравишь.

Я хотела возмутиться, реагируя на очередную подколку, но тут Олли восторженно выдохнул:

— Пирог-и-и! — И будто в транс впал, застыв с блаженной улыбкой на губах.

Мне показалось, что сейчас малыш жаждал пирогов даже больше, чем маму, хотя про поставленные задачи я помнила. Однако порадовать ребенка сладеньким было проще и быстрее. Заодно воскрешу в памяти уроки нашей талантливой кухарки. Помнится, она всегда хвалила меня за кондитерские изделия.

— Список ингредиентов напишу, добудете? — деловито поинтересовалась у Арво, тот медленно кивнул, глядя на меня как-то по-новому. А я мысленно порадовалась, что могу принести пользу своим спасителям, ведь за добро добром платят, как часто говорила мама.

Праздник на пороге? Отлично! Организуем праздничный стол. И даже елочку украсим общими усилиями, если папа-лис ее, конечно, срубит, а то дело к вечеру идет, скоро стемнеет.

Глава 2 НЕОЖИДАННЫЙ ПОДАРОК

Самый короткий день в году стремительно подходил к концу. На улице стемнело, и если бы не искрящийся снег да луны со звездами, стало бы совсем уныло, потому что фонарей возле дома альда Каури практически не было. Внутри с освещением дела обстояли значительно лучше. Массивные кованые канделябры и люстры были полны свечей, которые подозрительно долго горели. Ларчик открывался просто, хотя и неожиданно: долговечность желтоватым цилиндрам обеспечивал порошок, добавленный в состав воска ведуньей, у которой горожане покупали свечи. А огненный элементаль, обитающий в доме, заботился о яркости огоньков.

Мне этот таинственный дух так и не показался. Олли сказал, что он стеснительный и появится, только когда сам захочет познакомиться. Если вообще захочет. Такой вот характерный элементаль проживал в этой маленькой, но дружной семье. Пришлось приструнить разыгравшееся любопытство и заняться тем, чем собиралась, а именно — пирогами! Арво выдал мне все необходимые продукты по списку, а сам ушел-таки в лес за елкой, без которой и праздник — не праздник.

Но мы ведь оба обещали его лисенку. Каждый со своей стороны над поставленной задачей и работал. Тем более времени до ночи, когда у альдов принято садиться за праздничный стол, чтобы чаркой медового напитка проводить в огненный мир старое солнце, оставалось не так и много. Надо было приготовить достойный ужин, комнаты еловыми ветками и лентами украсить, деревце, опять же, нарядить... Дел, одним словом, хватало — некогда прохлаждаться!

Собрав волосы в тугую косу, чтобы не мешали, я надела передник и принялась замешивать тесто, в то время как на плите уже варились овощи, мясо и яйца для салатов. Планировала настричь хотя бы парочку, так как особо разгуляться тут было не с чем. Картошка, свекла, морковь, курица... никаких заморских фруктов, никакого консервированного горошка, который где-то умудрялась добывать Марго (не удивлюсь, если в другом мире). Тем не менее при должной фантазии и неплохой забитости лисьего погреба праздничный стол можно было накрыть и без горошка. Главное ведь не разнообразие блюд, а их подача! Хотя вру, главное — их съедобность.

Олли вертелся рядом и всюю мне помогал, подавая ложки, плошки, кастрюли, сито — все то, что могло пригодиться для нашей стряпни. Вдвоем и веселее было, и работа спорилась. Глазенки малыша горели, а ручки сами тянулись поучаствовать. И ладно бы только они, а то ведь и хвост тоже проявлял излишнюю активность. Вел он себя

как самостоятельная часть тела, умудряясь забираться кончиком куда не следует. Вот ведь... пушистый диверсант! Волосинки в пирогах нам еще не хватало!

Пока делала тесто и готовила начинку, навострилась отлавливать коварный хвостик на подлете и вовремя пресекать его вторжение на продуктовую территорию. Олли каждый раз жутко смущался и опускал ушки, а я смеялась и щелкала его по носу. Один раз сделала это испачканной в муке рукой. Случайно. Малыш фыркнул, чихнул, а потом хитренько так улыбнулся и... ответил мне тем же. В результате мы устроили маленькую потасовку с хохотом, догонялками и снежными (вернее, мучными) баталиями, которые в честь зимнего солнцестояния были названы метелицей.

За этим неподобающим занятием и застал нас вернувшийся из леса Арво.

— Ой! — Я аж икнула, увидев в дверном проеме хозяина дома в обнимку с елкой. Олли врзался в меня, выронив деревянную ложку, которая играла роль его боевого меча. Драться ею он даже не пытался — бой-то у нас был шуточный, но размахивал, как настоящим оружием. — А мы тут...

— Разгромили кухню, — сказал папа-лис, окинув взглядом не только нас, но и перевернутые стулья, и припорошенный тонким белым слоем пол.

— Белла не виновата, это все я! — воскликнул маленький защитник... прикрыв меня собой. Еще и хвостиком ноги мои обнял. Кроха мой смелый!

В груди защемило, а глаза защипало. Я тряхнула головой, чтобы не расплакаться, а то Арво совсем уважать перестанет, он и так-то не самого высокого мнения обо мне, а если еще и нюни распушу... Нет уж! Я взрослая, сильная и... полезная, вот!

— Мы чуть-чуть пошалили, извините, — сказала, поглаживая мальчика по белоснежным волосам. Какие же они все-таки мягкие! Любопытно, у его отца такие же или, наоборот, жесткие?

— Чуть-чуть... — покачал головой альд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Ссылка в другой мир	5
<i>Глава 2.</i> Неожиданный подарок	30
<i>Глава 3.</i> Праздник	52
<i>Глава 4.</i> Гадания	76
<i>Глава 5.</i> Элементали	103
<i>Глава 6.</i> Поединок	127
<i>Глава 7.</i> Снеженика	146
<i>Глава 8.</i> Пытка для двоих	164
<i>Глава 9.</i> Кэйса	181
<i>Глава 10.</i> Бал	200
<i>Глава 11.</i> Свадебное платье	226
<i>Глава 12.</i> Герцог	245
<i>Эпилог</i>	264